

Вернулся Элдфорт обратно минут через десять, в руке он держал вырванный из блокнота листок.

— Преступник обнаружен. Вот адрес. Рязанская колония-поселение строгого режима. Там он сидит, голубчик.

Роберт положил перед Вольдемаром листок с адресом, сел обратно за стол и закурил еще одну сигарету.

— Завтра, в 15:00, тебе надо будет там быть. Ни в коем случае не опаздывай. На все про все у тебя будет полчаса.

— Будь за меня спокоен, буду на месте тютелька в тютельку.

— А что у тебя со школой? Как же уроки? Дети?

— Сейчас карантин в городе. Все классы эту неделю не учатся. Грипп, эпидемия.

— В школе грипп, а ты со скуки едешь в тюрьму. Так, выходит? При этом я напряг всех, чтобы устроить тебе эту встречу.

— Роберт, да не переживай ты так. Я с ним просто поговорю — и все. Обычная беседа. Просто надо кое-что проверить. Есть у меня одна догадка...

— Я и не переживаю.

— Без обид?

— Без обид, желаю удачи.

— Спасибо, друг.

Два закадычных товарища крепко пожали друг другу руки.

ГЛАВА 6. ЕСЛИ НЕ ОН, ТО КТО?

Дорога до рязанской колонии оказалась сложнее, чем это могло показаться на первый взгляд. Вроде бы ничего особенного, а из мелких деталей складывается общая картина происходящего и атмосфера во-круг. Все началось с билета. Прибыв на автовокзал и узнав, что ближайший автобус до Рязани будет через

час, Вольдемар пошел перекосить в неподалеку расположенный фастфуд. Изрядно зачитавшись одной очень увлекательной книжкой, он чуть не опоздал на автобус. Когда двери автобуса закрывались и длинный «Икарус» вот-вот должен был тронуться в сторону Рязани, выяснилось, что Вольдемар потерял посадочный билет, а за неимением одного его отказывались принять в качестве пассажира и пускать в автобус. Делать нечего, пришлось покупать билет заново. Новый билет не сулил ничего хорошего. Место оказалось настоящим стулом пыток. Двухметровый Вольдемар не знал, куда себя деть и как лучше отпилить себе ноги, чтобы более или менее комфортно доехать до пункта назначения. Слева от него сидел огромных размеров толстяк. Прежде чем сесть на свое место, толстяк снял с себя замызганную дубленку и остался в одной клетчатой рубашке, на которой виднелись крупные пятна пота. Особенно пятна проступали в области подмышек и в районе живота. Толстяк достал носовой платок и принялся использовать его по назначению, то и дело высмаркиваясь, а иногда утирая им потовые выделения на шее и лице. Общую картину завершала киноиллюстрация, что мелькала на небольшом экранчике посередине автобуса: сегодня в очередной раз показывали пошлый фильм про любовь.

Автобус проехал указатель с названием Константиново. Значит, скоро подъедем к Рязани. Село Константиново — родина поэта Сергея Александровича Есенина. Эх, Анька, Анька! Знала бы, как все это тяжело... А может быть, ты помнишь?

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

— Парень! Эй, парень! — Толстяк дергал Вольдемара за плечо своими пухлыми жирными пальцами. — Ты не помнишь случайно, Есенин повесился или убили его?

— Точно неизвестно. Ходят слухи, это было убийство. Хотя когда я учился в институте, мы на первом курсе по психологии разбирали его стихи, и конечно же, их написал человек, склонный к суициду.

— Вот и я думаю. То ли повесился, то ли подвесили, — ухмыльнулся толстяк.

— Да убили его, — влез в разговор пьяный мужик, сидящий сзади.

— Повесился он! — опровергла тетка сбоку.

— Вот вы не знаете! Сидите и молчите тогда! Убили его, это точно! Я в газете читала!

— А я по телевизору видел, и там показывали, как убили, а потом повесили.

— Так это сериал был.

— Неважно. Главное, я сам лично видел.

— Да я тебе щас в морду дам за Серегу нашего!

— Ты на кого баллоны катишь?! Да я тебя сама сейчас здесь угандошу! — визжала круглая баба в пуховом платке.

— А я говорю, повесился.

— Нет, убили.

— Да-да! Убили! Ей-богу, убили! — затрещала обрюзгшая женщина с ведром квашеной капусты в руках. — Что ж я, разве балаболка какая? Разве я у кого-нибудь хоть лишний рубль украла? Разве я что сказала не так? Вот чтоб мне пусто было на этом самом месте. Убили. Как его? Этого поэта?

— Есенина, — подсказал Вольдемар.

— Во-во... Ясенин этот, Александр Сергеевич.

Женщину дружно обсмеяли, но затем продолжили жаркий спор. Перепалка по поводу загадочной смерти Есенина охватила весь автобус. Равнодушных не было. Каждый считал долгом внести свою лепту и высказать мнение об истинной причине смерти классика. Ситуация обострилась до предела, но голос водителя объявил в микрофон: «Граждане, наш автобус прибывает на автовокзал города Рязани. Пожалуйста, не забывайте свои вещи. Хорошего вам настроения и здоровья». Градус дебатов спал, пассажиры засуетились, стали собираться, доставать вещи с полок. Двери автобуса открылись, и Вольдемар одним из первых покинул салон. Но по-прежнему за спиной слышал недоуменные голоса:

— Есенина убили, вот тебе на! Не знал.

— Старая ты калоша! Вот как можно быть таким идиотом и верить во всю эту чушь? Вот скажи, чего ему вешаться?! Самоубийство это было! Самоубийство!

— Да знаю я! — отмахивался от назойливого голоса тетки дед.

— Уж вы бы замолчали! Что вы врете?

— А вы не лезьте, это наше с ним семейное дело.

— Ошибаетесь. Убийство народного поэта — дело общественное и государственной важности.

— Отвяжись, сатана! Тьфу на тебя!

— Ах, ты плевать на меня?! Негодная!

— Ну что ты стоишь, как столб?! Твою жену оплевали всю с ног до головы, а он стоит! Старый башмак...

«Очень жаль, что я не имею дурной привычки снимать разные жизненные ситуации на мобильный телефон. Получилось бы неплохое видео и собрало бы оно минимум миллионов десять просмотров в Интернете: "Рязанские страсти поэта Есенина, новые подробности смерти". Но оставим пошлые подробности для желтой прессы...»

А пока Вольдемар тихо побрел в сторону автобусной остановки, чтобы доехать на маршрутке до железнодоро-

рожного вокзала, а там на электричке до станции, где и располагалась колония-поселение строгого режима.

* * *

Здание за колючим забором олицетворяло серость и угрюмость этого мира. Острая стальная проволока витиевато, подобно ядовитому плющу, опоясала острыми шипами верх забора, местами цепкие колючки поблескивали на морозце. На улице было ветрено, особенно если стоять на открытом пространстве перед огромными воротами тюрьмы. Дорога в другой мир со своими порядками, устоями и обычаями. Войдя в здание, Вольдемар передал дежурному специальное заявление, составленное и заверенное предварительно Робертом во избежание лишних вопросов и эксцессов. Заявление одобрили, и Вольдемара провели в небольшую комнатку, где из предметов мебели находился стол и два стула. Стулья стояли у стола друг напротив друга, вся мебель плотно прикручивалась массивными болтами к бетонному полу. Вольдемар присел на один из стульев, оказавшись спиной к небольшому квадратному окну. Из окна тускло шел свет. У Вольдемара отобрали часы и телефон на время свидания, поэтому он не знал, сколько прошло времени ожидания, но по внутренним ощущениям предполагал, что достаточно много, так как свет, проступавший сквозь единственное окно в камере, сменился на тьму. В помещении тускло горела лампочка. Дверной замок жалобно лязгнул, и конвоир доставил в камеру осужденного, предыдущего жильца и владельца квартиры, где теперь проживает хозяин оккультного салона, маг и волшебник Аристарх Владленович Лгунов. Заключение имел болезненный вид, исхудавшие черты лица; впалые скулы свидетельствовали об отсутствии зубов. В глазах наблюдались признаки безумия и чертовщины, но, несмотря на неоднозначные внешние характеристики, в руках убийца жены сжимал томик Евангелия.

— У вас на все про все ровно двадцать минут, — командным голосом сказал конвоир.

— Подождите, — заспорил Вольдемар. — Мы договаривались на полчаса.

— Еще раз повторяю, у вас ровно двадцать минут, — невозмутимо отчеканил конвоир.

Он препроводил заключенного до стола, освободил от наручников, усадил на стул. Предупредил, что время пошло, и вышел из камеры.

Вольдемар долго смотрел в глаза убийце, замечая за собой странное чувство, что не испытывает ненависти к данному человеку. Даже наоборот, Бархоткину стало казаться, что осужденный вовсе не убивал свою жену и находится здесь по нелепой ошибке. Что это?

Шестое чувство? Условные рефлексы? Профессиональные навыки? Какие еще навыки, что за бред! Есть факты, а нелепые домыслы и подозрения яйца выеденного не стоят. К тому же не затем он сюда приехал, чтобы поиграть в ромашку. Кажется, он, а может, и не он... Беседовать надо по существу.

— Здравствуйте. Меня зовут Бархоткин.

— И что дальше?

Дикий зэк явно не планировал задушевную беседу и сердито щетинился, как еж.

— Я вот, собственно, по какому вопросу. В деле убийства вашей жены выяснились новые обстоятельства, — соврал Вольдемар. — Поэтому я сюда специально и прибыл. Насколько я знаю, вы до сих активно отрицаете, что это вы убили.

— А ты кто? Мент, что ли?

Вольдемар молча кивнул и показал в раскрытом виде поддельное удостоверение сотрудника полиции.

— Мент, получается? — недоверчиво переспросил зэк.

— Ага, вроде того... Сотрудник по особо важным делам.

— И чего тебе надо? Сотрудник.

— Задать пару вопросов, не более того.

— Опять вопросы, допросы... А что толку? Когда я здесь сижу. А ведь я не убивал. Понимаешь ты, не убивал!

— Так, спокойно. Я здесь для того, чтобы во всем разобраться. Расскажите, пожалуйста, по минутам весь ваш день, когда произошло это убийство. Что делали, куда пошли? Может быть, что-нибудь необычное? Это очень важно. Интересует каждая мелочь.

— Значит так, пришел я с работы.

— А кем вы работаете?

— Работал! — недовольно поправил зэк. — Дворником на мебельной фабрике. Значит, пришел с работы. Поужинал и отрубился. Устал. Понимаешь? Очнулся — труп лежит. Танечка вся в крови, кишки наружу! Нож рядом валяется с моими отпечатками. Я вызвал ментов. Они меня и приняли! Ты говорят, сучье отродье, жену свою убил! А мне и возразить им нечего, не помню ни хрена! — Зэк заплакал.

— Подождите, подождите... Давайте поподробней. Вы пришли после работы? Насколько я знаю, у вас есть один ребенок, он где был?

— Ну, говорю же, после работы. А Степка у бабушки в деревне был. У матери жены. Лето было, каникулы.

— Так, так, так...

— Слушай, у тебя сигареты есть?

Вольдемар достал из кармана целую пачку дорогих элитных сигарет и протянул зэку.

— Берите всю. Это единственное, что не отобрали при обыске.

— А зажигалки нету у тебя? Дай огня! — Зэк распахнул пачку и захотел прикурить.

— А вот этого нет, извините.

— Жаль... — Зэк спрятал сигарету обратно в пачку, но сам подарок ему понравился, и заключенный стал более откровенен.

— Это было вечером, в будни? Правильно? — продолжил расспрашивать Вольдемар.

— Да-да... Практически сразу после работы.

— Практически?

— Выпили мы с ребятами по сто, — зэк осекся, — ну, по сто пятьдесят граммов водяры. Обычное дело после работы, традиционно.

— Где пили? На улице?

— Не... Есть там одно место возле работы. «Бар сук» называется.

— Знаю такое, приходилось бывать.

Зэк улыбнулся.

— В баре только водку пили?

— Ох... Не помню.

— Вспоминайте, вспоминайте, — простимулировал Вольдемар. — От этого зависит, будете ли вы сидеть здесь или гулять на свободе.

— Вроде водку одну — и все... Да-да-да, точно. Одна водка была.

— А потом?

— Потом пошли домой, там поужинал, и рубануло меня в сон. — Зэк взвыл. — А проснулся... Проснулся, а там... Там...

— Только поужинали? — перебил Вольдемар. — Водки не было больше?

— Нет, точно не было. У меня Танечка насчет этого строгая была. Ни капли не разрешала, ругала. По праздникам иногда разрешала, конечно. Так что выпил только кофе и пошел спать.

— Кофе? Какой кофе? — зацепился за слово Вольдемар.

— Ко мне в «Бар сук» подошел один человек. И говорит: братан, выручай! Купи банку кофе, из дому стибрил. Выпить хочу, трубы горят. А денег нет. И главное, стоит недорого.

— И вы купили?

— Помог коллеге по несчастью.

— Что стало с этой банкой?

— Ну, пришел домой и заварил его. На вкус такая гадость... Оказалось, это и не кофе вовсе, а какой-то кофейный напиток для худеющих баб. Представляешь? Обманул, сучонок! Втюхал какую-то хню.

— Приметы, у кого покупал, запомнил?

— Хрен знает, какие у него приметы. Мужик как мужик.

— М-да...

— В подобных местах много таких мужиков.

— Вспоминай, вспоминай.

— А, это! У него наколка в виде молнии была на руке, вот здесь, на пальце. — Зэк сжал руку в кулак и указал на место, где обычно носят кольцо. — Как перстень, такая печатка у него была, точно. Рисунок молния.

— А сам он какой себя?

— Да не помню я! Пьяный был, темно там было...

— Худой и длинный?! Давай вспоминай!

— Ага, худющий такой фраерок. А рост... Так сразу не скажу. Ну да, вроде тебя, высокий такой он был. У нас с ним еще разговор зашел, мы собирались свою трешку разменивать.

— Это еще зачем?

— Дорого платить за коммуналку. Так вот, слово за слово, он обмолвился... И дал мне визитку одной фирмы, которая занимается недвижимостью.

— Название фирмы, какая указана на визитке, не запомнил? Хотя бы примерно.

— У меня она с собой, я вместо закладки ее использую. — Зэк раскрыл Евангелие и протянул визитную карточку.

На одной стороне визитки находилось изображение агентства по продаже недвижимости, оно загадочно называлось «УЮТ-terra». Причем латинское слово terra употреблялось здесь в значении «земля». Оно и понятно, так уютней звучит. Ближе к могиле... Но что интересно, на другой стороне визитной карточки находилась совершенно другая информация. А именно контакты оккультного агентства Аристарха Владленовича Лгунова. Стрела попала в яблочко!

— Ну что? Когда меня теперь освободят? Я вроде все рассказал, — перебил раздумья Вольдемара взбуревший зэк.

— Не знаю, — огрызнулся Вольдемар. — Как только, так сразу. Я что, судья, что ли? — Остудив порыв зэка немедленно очутиться на свободе, он вновь погружился в раздумья.

Но воздух свободы защекотал зэку ноздри, будто бы приход от неразбодяженного колумбийского кокаина. Сладостное чувство, когда ты находишься вне четырех стен, а стоишь в чистом поле. Вокруг тебя колышутся спелые колосья ржи, и красное солнце садится за линию горизонта, а за спиной шуршит зелеными ветвями хвойный лес.

— Когда меня освободят?! — бешено крикнул он на Вольдемара. — Ты обещал! Меня сынишка на воле дожидается!

— Спокойствие, только спокойствие. В ближайшее время.

— Ты можешь сообщить сынишке, что папка скоро приедет?! Папка скоро будет!

— Конечно, могу.

— Записывай адрес! Луховицкий район! Деревня Зягзюлино! Второй дом от моста!

— Угу.

— Ты почему не записываешь?! Обмануть меня хочешь! — Зэк выпучил от бешенства глаза.

— Ни в коем случае. — Вольдемар выставил руки ладонями вперед, создавая искусственную стену и отгораживаясь от бешеного заключенного. — Просто у меня очень хорошая память, я все прекрасно запомнил.

— Ты меня обманываешь! — взвыл зэк. — Зачем ты меня обманываешь?! Ты бы побыл на моем месте, ты бы понял тогда! Как это тяжело — потерять все в один момент! И жену, и сына, и оказаться здесь! А я не хочу! Слышишь?! Я не хочу! Меня здесь бьют каждый день! Я не хочу! Я не хочу! Не хочу! — Зэк взревел, словно раненая белуга. Захлебываясь в слюнях и соплях, он продолжил выть с утроенной силой: — А-а-а-а!

Вольдемар схватился одной рукой за голову, а зэк продолжил спектакль. Набирая в грудь воздуха, заключенный в робе делал синхронные паузы, чтобы получалось более театрально.

— А-а-а-а-а! Маманя родная! А-а-а-а-а!

Для пущей правдоподобности резким движением зэк разорвал полосатую робу и обнажил скудную волосатую грудь. На крик в камеру спокойно зашел надзиратель и хладнокровно нанес орущему актеру оздоровительной удар дубинкой. Представление сиюминутно прекратилось. Зэк тяжело запыхтел, заохал, захлебываясь на холостых оборотах, сник.

— Уходите отсюда, — приказал Вольдемару надзиратель, застегивая за спиной у зэка наручники. — Ваше время давно истекло. Вы что тут устроили!

— Да я чего... Это он сам как с катушек слетел.

— Покиньте территорию исправительного учреждения. И передайте своему дружку Элдфорту, что это последний раз. Больше здесь чтобы ноги никого постоянного не было!

— Извините, — вежливо произнес Вольдемар. — Все, я уже ушел.

Положив закладку из Евангелия в карман, с новой уликой он направился к выходу.

* * *

На выходе Вольдемару устроили настоящий шмон в лучших традициях тоталитарного режима. Обыскали

всего с головы до ног, даже залезли в трусы. Обыскивала молодая девушка, форма немного старила ее, но даже такое непривлекательное одеяние ничуть не умаляло ее красоты. Она споро выполняла свою работу, от чего становилась еще более привлекательнее.

— Обыск закончен, посторонних предметов не обнаружено.

— Если что, меня Вольдемар зовут. Вольдемар Таранович Бархоткин.

— А меня Пелагея... Пелагея Ефросьевна Помпидур.

— Я же серьезно.

— И я серьезно. — Девушка показала Вольдемару свое удостоверение.

— Ничего себе, вот ведь как бывает.

— Это жизнь... — Улыбаясь, Пелагея протянула Вольдемару листок с номером телефона.

— А это чей номер? — с непониманием поинтересовался Вольдемар.

В коридоре появился надзиратель, он приближался к флиртующим неспешно, спокойными и уверенным шагами.

— Не чей! Да идите вы! Какой глупый...

Вольдемар быстро спрятал листок и наигранно спросил:

— А я вот никак в толк не возьму. Где у вас здесь принято трапезничать? Весь день во рту ни крошки.

— А ты как выйдешь, сразу сверни налево, — сказал подошедший надзиратель. — И иди вот так прямо через кладбище. Как пройдешь до конца, увидишь здание с табличкой «В светлый путь». Это столовая. Вот там тебя и накормят, пальчики оближешь! — добавил надзиратель, усмехаясь.

— Спасибо. Ну я пошел, не смею больше задерживать. Всего вам доброго.

— Ага. И вам не хворать.

— Так ведь это же!.. — попыталась окликнуть Вольдемара девушка.

— Тихо ты! Дура! — остановил надзиратель и приложил указательный палец к губам.

Пелагея расплылась в лучезарной улыбке и сказала:

— Хорошая шутка.

* * *

На улице давным-давно стемнело, отсутствующие фонари лишь усугубляли обстановку. Темно, скользко, мрачно, черная мгла окутала собой все пространство возле колонии. У Вольдемара было ощущение, что он попал в государство Мордор из нетленной саги Толкина «Властелин колец». Тусклый свет от бледной луны осветил покосившиеся кресты и железные прутья

могильных оград. Вольдемар, преодолевая навалившийся страх, шагал по указанному пути, но чувство приближающийся опасности не покидало его. Все предвещало беду. Вверху на ветках каркали вороны, по сторонам раздавались неизвестные шорохи и звуки, кое-где поскрипывали незакрытые дверцы могильных оград, жуткая атмосфера довлела над происходящим. Вольдемар увидел, как что-то ярко полыхает в самом конце кладбища, красные языки костра на фоне почерневших деревянных крестов напоминали ад из «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Вольдемар приблизился к очагу возгорания, и огромное пламя обдало лицо горячим жаром, в нос шибанул вонючий едкий дым, исходивший от горящих резиновых покрышек. Рядом стоял колышек с табличкой «Свалка мусора строго запрещена! Штраф!». Все понятно, кто-то поджиг местную помойку. Если у нас в стране делают подобные знаки, чтобы гражданам не сваливали здесь мусор, вот именно на этом месте, то именно здесь они и устроят мусорную свалку. А какие-то уроды возьмут и обязательно подожгут, забавы ради. Совершенно не понимая, что здесь покой и уют усопших душ. Вольдемар увидел две тени, они приближались к нему. Впоследствии тени переросли в темные силуэты, но ужасало в этих безликих персонажах то, что они шли с вытянутыми перед собой руками. «Что за бред?! Не может этого быть?! Это все кофе! Но я сегодня не пил никакого кофе... Что я несу, мамочка... Так, все, возьми себя в руки. По законам здравого смысла и конкретной логики этого просто не может быть». Черные персонажи с вытянутыми вперед руками приближались.

«Я мужчина или нет?! В конце концов». Вольдемар двинулся робкой поступью на двух оживших зомби, которые двигались на него. Бархоткин медленно шел им навстречу с целью первым нанести победный удар, который бы сокрушил отъявленных вурдалаков. Случайно Вольдемар узрел овальную фотографию на одной из могилок, его привлекла не столько крошечная малоразличимая фотография, сколько фамилия и имя покойника, лежавшего здесь. Покойника звали Максим Шевельков, и, посмотрев на годы его жизни, можно было сделать вывод, что умер он в девятнадцать лет, скорее всего, не своей смертью. Горячий воздух обжег Вольдемару лицо, он перевел взгляд на парочку ведьмаков, они находились совсем близко. Чертовщина какая-то! Господи, помоги! Вольдемар

начал усердно креститься, моля святого Михаила Архангела о покровительстве и защите. «О, святой Михаиле Архангеле, светлообразный и грозный Небесного Царя воеводу! Прежде Страшного Суда ослаби ми покаяться от грехов моих, от сети ловящих избави душу мою и приведи ю к сотворшему ю Богу, селящему на херувимех, и молися о ней прилежно, да твоим ходатайством поедет ю в место покойное...»

Когда ожившие зомби подошли совсем близко, стало ясно, это вовсе никакие не монстры с того света, а два еще совсем юных сатаниста, которые, видимо, и подожгли помойку. Одного поджога им было мало, тогда они решили зафиксировать полыхающее пожарище на камеры своих мобильных телефонов. Вот почему они шли с вытянутыми вперед руками: потому что снимали все происходящее вокруг на видео. Ну, слава богу! Можно спокойно выдыхать, ситуация разрешилась. Но не тут-то было. Один из сатанистов убрал в карман смартфон и достал из голенища длинного кожаного сапога острый нож.

— А ну стой, дядя! — приказал первый сатанист.

А второй добавил:

— Попалась, православная свинья.

Вольдемар достал из кармана удостоверение сотрудника полиции и в раскрытом виде протянул сатанистам.

— Ты нам эти бумажки не суй, понял!

— В задницу себе их засунь! Свои писульки левые! — закричали сатанисты, вырвали из рук Вольдемара удостоверение, выбросили фальшивый документ в полыхающий огонь и запрыгали бесами вокруг огромного костра. Закончив дьявольские пляски, они переключили все внимание на Вольдемара.

— Вот ты и попался, — начал угрожать первый сатанист, водя перед лицом Вольдемара острым ножом. — Это ты удачно ночами по кладбищам ходишь. Сейчас мы тебя прирежем и сожжем... Трупику меньше, трупику больше. Кто их считает на этом богом забытом кладбище. А? Давай ты, Саймон, режь его. — Он протянул нож второму сатанисту.

— А чего я сразу? — запротестовал тот. — Ты же главный у нас по статусу, ты и режь.

— Я сказал, режь, — злобно прошипел первый сатанист.

— Да не буду я, сказал. Сейчас вообще развернусь и домой пойду.

— Ничего вы мне не сделаете, — влез в спор Вольдемар.

— Это еще почему? — удивились сатанисты. — У нас такие поступки очень приветствуются и особо поощряются.

— Как почему... Вы же ведь умные ребятки?

— Поумнее тебя будем! Дебил!
— Тогда сами подумайте, если вы меня сейчас убьете, кем я тогда стану?
— Не знаем... Кем?
— Наверное, мучеником, судя по всему.
— Ну да.
— Если я стану мучеником, то где я тогда окажусь, в аду или в раю?
— Э-э-э... В раю.
— Значит, получается, что я в ад не попаду?
— Нет, не попадешь.
— А вот тогда скажите мне, пожалуйста, похвалит ли вас тогда ваш хозяин владыка ада, что благодаря вашим стараниям еще одна душа избежала его жарких объятий? И благодаря вам оказалась в раю.

Сатанисты переглянулись, косо посмотрели друг на друга.

— Я пошел домой, — не выдержал второй сатанист. — Хватит, надоело все.

— Эй! Ты куда?! Погодь! — Первый сатанист выбросил в огонь ножик и пошел вслед за вторым.

Так первые стали последними, а Вольдемар направился дальше. Кладбище подходило к концу, за спиной догорала самопроизвольная помойка, а где-то вдали раздавался залиvistый и протяжный лай бродячих собак.

Пройдя через все кладбище, Вольдемар обнаружил, как и говорил надзиратель, небольшое одноэтажное строение. Рядом с входной дверью висела табличка «В светлый путь». Дернув за ручку, он вошел вовнутрь. В нос ударил резкий запах псины. Нащупав выключатель, он включил свет, и грушевидная лампочка осветила комнату. В помещении находились клетки с собаками. Мерцающий свет разбудил дремавших песиков, и те, учуяв постороннего, агрессивно обнажили белые клыки и хищно зарычали на чужака. Дикое рычание продолжалась недолго, в самом углу клетки один пес поднял оглушительный лай, вся свора подхватила мотив, и комната наполнилась громкими звуками собачьего лая. В дверном проеме Вольдемар увидел горбуна маленького роста, он стоял в заляпанном кровьью белом фартуке. Человечек поманил Вольдемара к себе.

Вольдемар сначала растерялся и не понял, кого зовет этот маленький уродец, но горбун четко указал пальцем на Бархоткина и снова поманил рукой. Пройдя вдоль клеток с дико лающими собаками, Вольдемар вошел в другую комнату, где его поджидал горбун. Это была разделочная, в руках у горбуна находился увесистых размеров тесак.

— Ой, я, наверное, дверью ошибся... Я, пожалуй, пойду.

— Стоять! — скомандовал горбун. — Ты чего здесь вынюхиваешь, а?

— Мне сказали, что у вас тут столовая. Я сам не местный.

— Ха! Столовая... — Горбун усмехнулся и положил тесак на стол. — Ну, в общем, тебя не обманули, здесь, можно сказать, что-то вроде столовой. Видишь собачек? — Горбун кивнул в ту сторону, откуда доносился стихающий лай.

— Да уж видел, — поддакнул Вольдемар. — Свиные они у вас.

— Вот и кормлю. Это собаки сторожевые.

— Хорошо питаются собачки. — Вольдемар показал глазами на изрубленную говяжью тушу.

— Это спонсоры у нас хорошие, — улыбнулся горбун.

— Благотворительный фонд, любители домашних животных?

— Не совсем. На этом кладбище много братвы похоронено. Вот кореша, кто живой остался, решили завести здесь питомник. И выращивать сторожевых псов, кладбище охранять от сатанистов. Их тут знаешь сколько? В былые дни до ста человек собирается. Ничего их не берет, а собак все-таки боятся. А ты какими судьбами здесь?

— Да так... Одного кореша приезжал в тюрьму навещать.

— Понимаю. У самого здесь брат сидит. А ты сам откуда будешь?

— Я из Коломны.

— О, далековато! Жрать, наверное, хочешь с дороги?

— Признаться честно, очень хочу.

— Ну, пойдём ко мне в каморку, чаю попьём. Я все равно сегодня один всю ночь дежурю, вдвоем веселее будет. Электричка до Голутвина теперь, поди, утром будет?

— Да, в четыре утра, — подтвердил Вольдемар.

Плотно поужинали: к чаю Бог послал кусок отварной говядины и бутерброды с сыром. Вольдемар улегся на топчане, накрылся старым полушубком, да так и проспал до утра. Проснувшись утром, он отблагодарил горбуна за ночлег и еду, пожертвовал небольшую сумму денег на нужды приюта для бездомных собак. Дошел до платформы, сел в электричку и поехал в сторону дома. Дело можно считать закрытым, преступник очевиден. Владелец оккультного салона скоро окажется за решеткой.

Продолжение следует.